

УДК 821.161.1

Букина Г.Ю.

Московский государственный областной университет

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ П.А. ВЯЗЕМСКОГО

G. Bukina

Moscow State Regional University

ONTOLOGICAL MOTIVES IN THE LATE LYRICS BY P. VYAZEMSKY

Аннотации. В статье рассматриваются мировоззренческие проблемы поздней поэзии П.А. Вяземского: смысл жизни, смерть, совесть, честь, вера, счастье. Признания в бесконечной усталости, мотив ожидания смерти, желание вернуться в прошлое звучат в поздней лирике Вяземского. Жизнь для поэта всегда была тяжёлым крестом, и переносить невзгоды помогала глубокая и искренняя вера в Бога. В духовной лирике поэта внимание акцентируется на взаимоотношениях человека и Бога, на роли Божественного Промысла, на предопределённости жизненного пути.

Ключевые слова: Вяземский, поздняя поэзия, жизнь и смерть, Бог, Божественный Промысл, жизненный путь.

Abstract. The article deals with the philosophical foundations of the later poetry of P. Vyazemsky: the meaning of life, death, conscience, honor, faith and happiness. Confessions of an infinite weariness, waiting for death motive, the desire to go back in time become apparent in the later poetry of Vyazemsky. The life of the poet has always been a heavy cross, and the deep and sincere faith in God helped to endure the hardships. In the spiritual lyricism the poet focuses on the relationship between man and God, divine providence, predestination of the life's journey.

Key words: Vyazemsky's later poetry, life and death, God, Divine Providence, life's journey.

В юности Вяземский был убеждён, что умрёт рано, хотя бы потому, что не мог похвастаться крепким здоровьем. В Записной книжке за 1825 год поэт особенно часто размышлял о смерти: «Смерть таинство: никто из смертных не разгадал ее» [3, с. 127-128], «<...> Мысль о смерти никого испугать не может <...>», «Может быть, смерть есть величайшее благо <...>». Со временем уверенность в ранней кончине слабела, а после 45 лет Вяземский не раз в стихах и прозе задавал смерти риторический вопрос: «Когда уже?» – но годы шли, уходили из жизни дети и друзья. А для него как будто ничего не менялось. Чем дальше шло время, тем сильнее прошлое заслоняло от Вяземского настоящее. Он оглядывался назад и только назад, ибо современность представлялась ему мелкой, пошлой, обыденной. По мнению Вяземского, на смену баснословным временам пришли годы, когда всё измельчало. Подобная позиция была бегством в прошлое, приобретаемое во внутреннем зрении поэта все более идиллические очертания. Он привык ощущать себя стариком: изменилось его восприятие жизни, и мотив предчувствия смерти уже не покидал его стихотворений.

В поздней лирике Вяземского звучат признания в бесконечной усталости, мотив ожидания смерти, желание вернуться в прошлое. Если смерть для стареющего поэта остается «таинством», пусть неизбежным и ожидаемым, то отношение к жизни с годами меняется. Для Вяземского 1850 – 70-х годов жизнь – «тяжелый крест», «дней скудеющая нить». Часто появляется мотив предопределённости жизненного пути. «Без нашей воли / Прядётся нить дней неподвластных нам, / Не мы себе предназначаем доли, <...>» [4, с. 258-259], – пишет он в стихотворении «Уны-

ние» (1857). Как христианин, поэт доверяется Промыслу Божьему, полагается на Провидение, но считает, что жизнь предначертана свыше и ничего в ней изменить нельзя.

Вторая половина жизни Вяземского была омрачена горькими потерями. «И как они переделали его, – писал П.А. Плетнев В.А. Жуковскому, – это не прежний весельчак; это задумчивый философ... меланхолический затворник» [1, с. 193]. Из восьми детей Вяземского в живых остался лишь сын Павел. Ушли из жизни близкие друзья – А.С. Пушкин, И.И. Дмитриев, Д.В. Давыдов, Е.А. Боратынский, А.И. Тургенев, М.Ф. Орлов, В.Л. Пушкин и другие. Стихи и письма Вяземского этих лет звучат «как проникновенный реквием временам давнопрошедшим, временам литературного братства, навсегда оставившего свой след в истории «золотого века» русской литературы» [5, с. 38]. О своих жизненных потерях поэт пишет в стихотворении «Сознание» (1854), проникнутом глубоким пессимизмом, горечью утрат:

*Я к старости дошёл путём родных могил:
Я пережил детей, друзей я схоронил, –
и далее:
Везде развалины, везде следы утрат
О пройденном пути они мне говорят.* (т. XI, с. 128).

В стихотворениях 1850 – 1870-х годов звучит мотив одиночества: Вяземский не находил понимания у молодого поколения, для которого был живой историей. В одном из писем Жуковскому ещё в 1845 году он признавался: «<...> Трудно теперь найти себе современников: кто слишком стар, кто слишком молод, ни с кем не встречаешься единомыслием и единочувствием. И вообще всё что-то в народе плоско и бесцветно, – или в некоторых членах нового поколения так всё ежевато и пёстро и татуировано. От них рябит в глазах и мыслях» [6, с. 38]. Но пропасть, разделявшая стареющего поэта с современной молодёжью, была гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Считая

Вяземского живым анахронизмом, признавая его былые заслуги, молодёжь не видела в нём современного поэта. Его произведения оставались в лучшем случае незамеченными. В 1858 году Вяземский создает «Слово примирения», в котором с высоты прожитых лет пытается сказать молодым, что и они уйдут в прошлое, что без прошлого нет будущего и что судить их будут не современники и даже не потомки, а «Всё подлежит суду и воле / Того, Кто всем нам Судия» (т. XI, с. 283).

12 июля 1854 года в Дрездене Вяземский отметил свой день рождения записью в дневнике: «Стукнуло 62 года. Дело идёт к развязке». Не думал поэт, что впереди еще долгих 24 года:

*Не думал я дожить до нынешнего дня,
Казалось мне, что Смерть уж сторожит
меня,
Что тут же должника просрочившего
схватит
И мой последний час весь старый долг
уплатит...* (т. XI, с. 130).

Итоги своей жизни Вяземский начал подводить задолго до смерти. Ещё в 1857 году он пишет стихотворение «Уныние», где говорит, что жизнь его подошла к концу:

*Уж подвиг мой окончен. Неудачен,
Хорош ли он? Здесь не об этом речь.
Но близок день, который предназначен,
И ношу дня пора мне сбросить с плеч.* (т. XI, с. 259).

Стихотворения этих лет передают мироощущение «живого мертвеца». О своём физическом и моральном состоянии в 1870 году Вяземский говорит открыто:

*Мне не к лицу шутить, не по душе смеяться,
Остаться должен я при немощи своей.
Зачем, отжившему, живым мне притворяться?
Болезненный мой смех всех слез моих грустней.* (т. XII, с. 435).

Понятия жизни и смерти в поэзии Вяземского взаимосвязаны. Смерть – естественное завершение жизни, которая предопределена свыше. Но, если обратиться к мировоззрению поэта, окажется, что жизнь, в понимании Вяземского, невозможна без свободы, совести, чести, счастья, веры. Об этих понятиях он размышлял на протяжении всей своей жизни.

По мнению Вяземского, свобода неразрывно связана с достойно прожитой жизнью. В чем же заключается для него это понятие? Для Вяземского свобода – благородна и чиста, это «возвышенной души сокровище и страсть», «святыня», которая не поддается невзгодам судьбы. Именно в ней «духовной воли ...зачаток и залог». Вяземский дорожит свободой, но не в том значении, как её понимали многие. С гордостью поэт говорит, что на перепутьях своей судьбы никогда не изменял свободе. Размышляя, Вяземский приходит к выводу, что это не «ненависть к тому, кто выше нас». Быть свободным – это значит «И мненья своего и убеждений честно / Держаться, <...>» (т. XI, с. 387). Поэт видит перед собой пример истинно свободных людей – Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского. Их жизнь – воплощение свободы. По Вяземскому,

*Свободен тот один, кто умирал желанья,
Кто светел и душой, и помышленьем чист,
<...>* (т. XI, с. 388).

Поэт не считал, что прожил счастливую жизнь. Размышляя на склоне лет о том, что же такое счастье, он замечает, что «счастье не случайный цвет; / Оно есть плод <...>» (т. XI с. 397), который вызревает с годами, и оценить его можно только «полнотою лет». Счастье не бывает мимолетным, оно нам «давностью милей» и, рассуждая на эту тему, поэт приходит к заключению, что «двум счастьям в жизни места нет» (т. XI, с. 398). Ответ на вопрос, что же такое счастье, у Вяземского звучит так:

*Нет Счастья без привычки милой,
И в Счастье верить мудро,*

*Когда родных преданий силой
Не освящается оно* (т. XI, 398)

В творчестве поэта 1850 – 1870-х годов сквозной нитью проходит мысль о том, что жизнь для Вяземского всегда была «тяжелым крестом», «битвой». Оглядываясь назад, он видит «поле боевое, / Обложенное все рядами мертвых тел» (т. XI, с. 383). Мотив одиночества звучит в заключительных строчках стихотворения «Битва жизни» (1861), в которых автор как бы подводит итог прошедшей жизни: он в одиночестве оплакивает своих друзей.

Переносить жизненные невзгоды Вяземскому помогала глубокая и искренняя вера в Бога. Будучи религиозным человеком, поэт с семьёй совершил паломничество в Святую землю. Воспоминания об этом путешествии он называет «кладом», который наполнит смыслом жизнь пожилого человека, а посещение Иерусалима – «великим днём», когда на поэта «легла святая тень».

В поздней лирике Вяземского появляется новый для него мотив жизни-книги. Ожидая смерти, поэт сравнивает свою жизнь с летописью, в которой нет ещё «последнего сказанья»; он не жалеет о том, что было, что выпало на его долю. Он уверен, что все лучшие его дни уже позади и из «книги жизни» «временем сурово / Все лучшие повыдраны листы».

Говоря о своей жизни, поэт метко подмечает: «Жизнь мысли в нынешнем, а сердца жизнь в минувшем». Последние десятилетия Вяземский живет воспоминаниями, в них он находит вдохновение, они озаряют его безрадостную жизнь:

*Воспоминание, минувшего зарница,
Блеснет и озарит пройденный нами путь*
(т. XI, с. 401)

но и светлые воспоминания навевают тяжёлые мысли: «Покоя одного и молим мы и ждем». Жизнь для Вяземского 1870-х годов – нелёгкое время, омраченное тяжёлой болезнью.

В 1877 году Вяземский написал стихотворение «Жизнь наша в старости – изношенный халат...», в котором сравнивает свою жизнь со старым халатом. С грустной иронией поэт проводит параллель между своей старостью и изношенным халатом: «Как мы состарились, состарился и он; / В лохмотьях наша жизнь, и он в лохмотьях тоже...» (т. XII, с. 549). Поэт сравнивает халат с «плащом, простреленным в бою», который бережно хранят, – так хранил Вяземский и свои воспоминания.

Поэт считал, что смерть нельзя предугадать или предсказать. Как истинно верующий человек, он полагал, что к ней нужно быть готовым всегда. Очень часто в его произведениях звучат слова о том, что жизнь наша рассчитана свыше по часам и что смерть всегда приходит неожиданно. В ожидании кончины человеку, прожившему такую долгую жизнь, как Вяземский, трудно

*Собратся с духом, молча, одному
Сойти спокойно в внутреннюю келью,
И дать остыть житейскому похмелью
И отрезвиться страстному уму.*

Печальные думы чаще всего посещают Вяземского в Баден-Бадене. Этот город для него много значил: здесь была похоронена его дочь Надежда; здесь провел свои последние годы и умер В.А. Жуковский, поэтому не удивительно, что мысли о смерти приходят именно в этом городе. В Баден-Бадене поэт написал:

*Уж если умереть мне на чужбине,
Так лучше здесь, в виду родных могил:
Здесь я нашел, чем скорбь жила доньне,
Здесь я не раз заочно слезы лил* (т. XI, с. 145).

Притворяться живым не было ни сил, ни желания. «Старость сама по себе неизлечимая и пакостная болезнь» [1, с. 642], – пишет он М.А. Максимовичу. В день своего 80-летия Вяземский спросит:

*Все сверстники мои давно уж на покое,
И младшие давно сошли уж на покой;
Зачем же я один несу ярмо земное,
Забывтый каторжник на каторге земной?*
(т. XII, с. 452)

Мотив ожидания смерти звучит, наверное, особенно сильно в религиозных стихах Вяземского. В цикле «Хандра с проблесками» находим переложение 140-го псалма «Входу с надеждою и трепетом в Твой храм...», которое заканчивается обращением к Богу:

*Боец уязвленный, томлюсь я битвой дня:
В Твоё убежище, в Твоё упокоенье,
Прими, о Господи, меня* (т. XII, с. 519)

Стихотворение «Чертог Твой вижу, Спасе мой...» также заканчивается подобным обращением.

Мотив ожидания смерти не нов в поздней лирике Вяземского. Ещё в 1837 году, после смерти Пушкина, поэта посещали подобные мысли. В стихотворении «Я пережил...» Вяземский писал:

*Мой горизонт и сумрачен, и близок,
И с каждым днем всё ближе и темней...* (т. IV, с. 215)

Подведение итогов прожитой жизни, размышления о Смерти, её ожидание часто присутствуют в воспоминаниях поэта. Таким образом, онтологические мотивы – одни из основных в творчестве Вяземского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 кн. – СПб, 1888-1910. Кн. 10. – 583 с.
2. Бондаренко В.В. Вяземский. – М.: Молодая гвардия. – 677 с.
3. Вяземский П.А. Записные книжки. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 505 с.
4. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: В 12 т. – СПб., 1878 – 1896.
5. Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского. 1842 – 1852. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник: 1979. Л.: Наука. – 1980. с. 34-75.
6. Перельмутер В. «Звезда разрозненной плеяды!..» – М.: Книжный сад, 1993. – 367 с.